Да продлится твой род

Рассказы - 8

Роберт Силверберг

SHOUT
SHARE
IT

- Да продлится твой род

Да продлится твой род

Да продлится твой род. Пер. – В. Кленов.
Robert Silverberg.
To Be Continue – (1965). – _

Вообразите, что вы почти бессмертны… и ваша жизнь измеряется веками. Живете себе и живете, в то время как ваши друзья и родственники стареют и умирают, гибнут империи, исчезают целые цивилизации… Такое бессмертие может быть бесценным даром. Однако этот дар необходимо скрывать от обычных людей, которые будут страшиться и негодовать, если узнают о нем. Но какой тогда способ маскировки избрать?

Гай Тит Менений задумчиво сидел в своей причудливо обставленной квартире на Парк-авеню и разглядывал только что доставленное письмо.

Созерцание оного отняло у него почти минуту, и он с удивлением обнаружил, что действительно волнуется, размышляя о его возможном содержании. Оттолкнувшись от подлокотников кресла, Гай тремя широкими шагами пересек комнату и, не выпуская конверта, опустился на длинную зеленую кушетку, стоявшую у стены. Растянувшись во весь рост, он аккуратно надорвал конверт кончиком ногтя. Внутри, как он и ожидал, находилось медицинское заключение.

«Дорогой мистер Рисуэл, – прочитал он. – Я вкладываю в этот конверт копию лабораторного исследования по результатам вашего обследования на прошлой неделе. Мне приятно сообщить вам, что результат обследования положительный – (именно так). Учитывая нашу беседу, я уверен, что это заключение будет исключительно приятным для вас и, конечно, для вашей жены. Искренне ваш, Ф. Д. Роуклиф, доктор медицины».

Менений еще раз перечитал письмо, изучил вложенное заключение и не смог удержать радостной улыбки.

После столь многих столетий это была почти разрядка. Он не мог заставить себя радоваться еще сильнее. Он встал и счастливо потянулся.

Итак, мистер Рисуэл, – обратился он к себе самому, – полагаю, это неплохой повод для выпивки.

Выбрав элегантный клубный пиджак, Гай направился к двери, легко распахнувшейся перед ним. Весело насвистывая, он вышел в коридор и, войдя в лифт, нажал кнопку. В голове у него

зарождались новые планы и новые мысли.

Это было прекрасное чувство. После двух тысяч лет ожидания он, наконец, достиг зрелости. Он мог иметь ребенка. Наконец-то!

– Добрый вечер, мистер Шулер, – обратился к нему бармен. – Как обычно, сэр?

– Мартини, конечно, – ответил Б. М. Шулер-IV, непринужденно усаживаясь на мягкий стул у стойки бара. Гай Тит, скрывавшийся под личиной Б. М. Шулера-IV, мысленно усмехнулся. Б. М. Шулер-IV *всегда* пил мартини. И этот мартини должен быть сухим – очень сухим. Причудливые звуки скрипичного концерта Вивальди создавали приятный звуковой фон. Шулер наблюдал за цветным аккомпанементом музыке – водоворотом цветов в такт.

– Добрый день, мисс Вандерпул, – произнес бармен. – Традиционное?

Шулер отпил мартини и обернулся. Девушка появилась неожиданно и села рядом с ним с бесстрастным выражением лица.

– Шарон! – сказал он, как бы ставя в конце восклицательный знак. Она повернулась к нему и улыбнулась, открыв ослепительный ряд безупречных зубов.

– Билл! Я не заметила тебя. Ты уже давно здесь?

– Только что вошел, – ответил Шулер. – Около минуты тому назад.

Бармен поставил перед ней стакан. Она отпила, глядя на Шулера. Он поймал ее взгляд, и его глазами Гай Тит холодно оценил ее в новом свете.

Он встретил ее в Каванаге месяц тому назад и без большого труда занес в свой призовой список. А почему бы и нет? Она была молода, хороша, интеллигентна, в тому же прекрасный компаньон. Здесь были и другие, подобные ей – тысячи других, две тысячи, пять тысяч. Но таких, как она за два тысячелетия он встретил не много.

Только теперь Гай Тит был, наконец, зрелым мужчиной и у него были другие потребности. Нитка бус из девушек, в числе которых была и Шарон, должна была оборваться.

Ему нужна была жена.

– Как поживает лакей с Уолл-стрит? – спросила Шарон. – Все еще зарабатывает деньги быстрее, чем может их потратить?

– Думаю, ты в состоянии сама определить это, – ответил он и заказал еще два мартини. – Не хочешь ли сегодня вечером попасть на концерт?

Оркестр Баха дает бенефис, и мне сказали, что несколько кресел за 300-400 долларов еще свободны…

Так, подумал Гай Тит. Наживка была насажена на крючок. Она обязана дать ответ.

Девушка присвистнула. Это был утонченный свист.

– Я догадываюсь, что это должно быть прекрасно, – произнесла она и опустила глаза. – Но я бы не хотела, чтобы ты понес из-за меня такие расходы, Билл.

– Пустяки, – настаивал Шулер, в то время как Гай Тит продолжал оценивать ситуацию. – Они исполняют Четвертый Бранденбургский концерт и Реноли играет вариации Гольденберга. Так как?

Она встретила его взгляд.

– Извини, Билл. Я уже занята вечером.

Ее тон не оставил у Шулера никаких сомнений в том, что обсуждение этого вопроса надо отложить.

Шулер поднял руку ладонью вперед.

– Ни слова больше! Я должен был знать, что ты уже занята на вечер. – Он сделал паузу, а затем спросил: – Ну, а как насчет завтра? В Лиге драмы будет «Герцогиня Мальфийская» Вебстера.

Молчаливо улыбаясь, он ждал ответа. Действительно, Вебстер давно уже был его любимцем. Гай Тит вспомнил, как он побывал на одном из его первых спектаклей, будучи короткое время на службе в суде короля Якова Первого. В течение следующих трех с половиной веков у него сформировалась привязанность к скрипучей, старой мелодраме.

– И не завтра, – ответила Шарон. – Как-нибудь в другой раз, Билл.

– Хорошо, – согласился он. – Как-нибудь в другой раз.

Он протянул руку и обнял ее за плечи. Они замолчали, прислушиваясь к негромкой музыке Вивальди. Он рассматривал ее высокие, четко очерченные скулы в сиреневом полумраке. Хотелось бы ему знать, способна ли она носить ребенка, которого он хочет так давно.

Она таким образом парировала все его выпады, что это его удивило. Она вовсе не была поражена его показным богатством и культурой. Печально, но это говорило о том, что, возможно, грани характера Шулера неадекватны ее.

«Нет», – подумал он, отвергая эту мысль. Вязкая, медленная мелодия Вивальди растаяла и зазвучало живое аллегро. Нет, у него слишком большой опыт в вычислении граней личности для подгонки к индивидууму, чтобы ошибиться. Он был уверен, что Б. М. Шулер-IV был способен справиться с Шарон.

Во время первых трех столетий его неожиданно долгой жизни Гай Тит вынужден был использовать практику подставных лиц просто для того, чтобы выжить. После падения Рима на какое-то

время стало легче, но с наступлением Средних веков ему понадобилось все его искусство, чтобы избежать столкновений с суевериями. Он заботливо создавал серию масок, фальшивых лиц в качестве механизма выживания.

Сколько раз он слышал, как ему говорили в шутку:

– Вы обязаны играть на сцене.

Это попадало в точку. Он *был* на сцене. Он играл много ролей.

Где-то, в самой глубине, к нем жил Гай Тит Менений, гражданин Рима, отбрасывающий тени, бывшие его многочисленными масками. Но Гай Тит был запрятан глубоко внутри той личности, которая в данный момент, была Б. М. Шулером-IV, а неделю назад – при посещении доктора для окончательного диагноза – Престоном Рисуэлом. Завтра он мог быть Лесли Маг-Грегором, или Сэмом Штельманом, или Филом Карлсоном – в зависимости от обстоятельств, от того, где был Гай Тит и с кем говорил. Была только одна личность, которой он не решился бы быть – это он сам.

И он знал, что не бессмертен. Он был относительно бессмертен. Его жизнь была в большой степени замедлена, и прошло две тысячи лет, прежде чем он стал плодоносным мужчиной. В соответствии с тем, что он узнал в прошлом веке, его долговечность будет передаваться генетически. Поэтому все, что ему было нужно сейчас, так это найти жену, чтобы передать свой дар будущему наследнику.

Было ли это желание определяющим в его жизни? Он не знал. То, что он делал, было рискованно. Хотел бы он знать, что это такое – наблюдать за тем, как его дети и дети его детей сжимаются под бременем лет. «Не очень-то приятно», – подумал он.

Он смотрел ей вслед. Она уклонилась от его атаки весьма искусно. Кто следующая?

Он подумал, что знает.

Бар в Ист-Энде находился в деловой части города и был не очень респектабелен. Гай Тит прошел через вращающуюся дверь и направился к стойке.

– Привет, Сэм. Как дела, парень? – поздоровался с ним бармен.

– Дай-ка мне пива, Джерри.

Бармен привычным жестом пустил бокал с пивом по стойке низкорослому, смуглому мужчине в кожаном пиджаке.

– Все в порядке?

– Не могу жаловаться, Джерри. Как бизнес? –

поинтересовался Сэм, поднося бокал ко рту. – Почему бы тебе не поставить автоматы? Они сейчас приносят доход.

– Конечно, Сэм, конечно. А где я достану деньги? С тебя двадцать.

Он взял монету, брошенную Сэмом на стойку и ухмыльнулся.

– По меньшей мере, пиво ты себе можешь позволить.

– Ты меня знаешь, Джерри, – сказал Сэм. – Мой кредит надежен.

Джерри кивнул.

– Достаточно надежен. – Он бросил деньги в кассу. – Джинджер искала тебя, кстати. Что ты имеешь против нее?

– Против нее? Ничего. О чем ты?

Сэм запустил пустой бокал назад бармену.

– Еще пива.

– Она хочет заякорить тебя – ты же знаешь это, не так ли? ухмыльнулся Джерри.

Гай Тит подумал. Она не очень яркая, но может послужить для осуществления его цели. У нее есть достаточно качеств, заслуживающих передачи.

– Привет, Сэмми.

Он повернулся, чтобы взглянуть на нее.

– Привет, Джинджер, – ответил он. – Как дела?

– Неплохо.

Но выглядела она не так хорошо. Светлые волосы были непричесаны, блузка помята и, как обычно, ее зубы были в губной помаде.

– Я люблю тебя, Сэмми, – мягко сказала она.

– Я тоже тебя люблю, – ответил Сэм.

Гай Тит раздраженно подумал:

«Но какие же ее качества мне бы не хотелось передавать? Она крепкий орешек».

– Сэм, – произнесла она, прерывая поток его мыслей, – почему ты приходишь так редко? Мне тебя недостает.

– Послушай, Джинджер, детка, – пояснил Сэм. – Если я женюсь на тебе, ты должна понимать, что я не буду часто торчать дома. Я должен водить грузовик. Мы сможем видеться не более раза-двух в неделю.

Тит потер лоб. Он не был абсолютно уверен, что это именно та девушка, которая ему нужна. Она была энергична, да, но заслуживала ли она чести воспитывать расу бессмертных? У него не было времени удостовериться в этом.

– Женитьба?

Голос блондинки звучал недоверчиво.

– Какого дьявола? Ты посадил меня не на тот грузовик, Сэм. Я

не хотела бы связывать себя.

– Конечно, душечка, конечно, – согласился он. – Но я подумал…

Джинджер вскочила.

– Ты должен думать о чем угодно, Сэм. О чем хочешь, но только не о браке.

Она несколько секунд тяжело смотрела на него, в затем повернулась и пошла к выходу.

Сэм угрюмо наблюдал за ней.

Гай Тит оскалился за маской Сэма Штельмана. Она не была обычной девушкой.

Две тысячи лет жизни научили его тому, что женщины непредсказуемы, и он вовсе не был удивлен ее реакцией на его предложение.

Тем не менее он был обеспокоен этой второй, за сегодняшний вечер, неудачей. Неужели его суждения так далеки от оптимальных? Возможно, подумал он, им утеряна жизненно важная возможность личностного проектирования. И ему эта мысль не понравилась.

Уже несколько часов Гай Тит бродил по улицам Нью-Йорка.

Нью-Йорк. Конечно, он был новым. Таким же был Олд-Йорк в Англии.

Менений наблюдал за их ростом из деревень в городах, из городов в метрополии.

Метрополия. Это было греческое слово. Он потратил двенадцать лет, чтобы изучить греческий язык. Спешить было некуда.

Двенадцать лет. И он все еще не был взрослым. Он мог вспомнить, как император увидел знак в небе: «Под сим знаменем победишь». И когда ему было четыреста шестьдесят два года, он все еще был слишком юн, чтобы служить империи.

Гай Тит Менений. Гражданин Рима. Будучи ребенком, он думал, что Рим вечен. Но этого не произошло – Рим пал. Египет, который, как он думал, тоже будет вечен, пал еще быстрее. Он умер, сгнил и сполз в Великую Реку, которая уносит все – и жизнь, и смерть.

Годы и века, расы, племена и народы приходили и уходили. Но их шествие никак не отражалось на Гай Тите.

Он шел на север, свернул влево на Маркет-стрит от Манхеттенского моста. Неожиданно он почувствовал, что устал от ходьбы, и остановил такси.

Дав водителю свой адрес на Парк-авеню, Гай Тит откинулся на спинку сиденья.

Первые века его жизни были тяжелыми. Во-первых, он не рос.

В двадцать лет его рост составлял пять футов и девять дюймов. И он все еще выглядел семнадцатилетним.

Через две тысячи лет он оставался таким же. Ему потребовалось немало усилий, чтобы зарабатывать деньги на жизнь. Детям не дают хорошо оплачиваемую работу.

Фактически он перебивался с хлеба на воду, влачил жалкое существование много веков. Но постепенное ослабление христианского запрета в отношении ростовщиков открыло ему путь для накопления достаточных сумм.

В капиталистической системе деньги делают деньги. Если у вас есть терпение, конечно. Время было на стороне Тита.

С развитием свободного предпринимательства он начал действовать весьма активно. И депозит в несколько сотен футов удачно вложенных в выбранную фирму, значительно улучшил его положение. Финансы и расчетливые инвестиции позволили ему вести комфортную жизнь.

Он получил большое удовлетворение от экстраординарного эффекта пакета акций, приобретенных им сто лет назад.

– Приехали, приятель, – объявил таксист.

Гай Тит выбрался из машины и дал ему пятидолларовую банкноту, не ожидая сдачи.

«О, Зевс», – подумал он. – За них я мог бы кутить всю ночь".

В последний раз он напился во время знаменитого биржевого краха в тысяча девятьсот двадцать девятом году. … Лесли Мак-Грегор распахнул дверь бара «Сан-Мартин» в Гринвич-Виллидж и направился к своему любимому столику в дальнем углу. За ним уже сидели трое посетителей, оживленно беседуя. Лесли махнул рукой и двое мужчин помахали ему в ответ. Девушка улыбнулась и кивнула ему.

– Иди к нам, Лес, – крикнула она, перекрывая приглушенный шум голосов. – Мак только что продал такую историю!

Ее глубокий голос звучал ясно и твердо.

Мак, приземистый крепкий мужчина, сидевший у стены, ухмыльнулся и поднял свой бокал. Лесли не спеша прошел к ним и сел возле Корвина, наиболее странного из всей троицы.

– Продал историю? – повторил Лесли.

Мак кивнул.

– Химерическое ревю, – сказал он. – Небольшую вещицу, которую я назвал «Вырывая факел». Получил не много, но все же это заработок, вы знаете.

– Если кто-то хочет искусство уподобить проституции, – произнес Корвин, – то…

Лесли упрекнул его.

– Не будь занудой. Ведь Мак обязан платить свою ренту. –

Затем он повернулся к девушке. – Лоран, можно ли мне поговорить с тобой?

Она отбросила белокурые волосы, падавшие на черный свитер, и улыбнулась еще шире.

– Конечно, Лес, – произнесла она своим необычно глухим, почти мужским голосом. – И что же это за секрет?

«Не секрет», – подумал Гай Тит. – «То, что я хочу, достаточно просто». Долгое время он полагал, что за свое почти бессмертие, он должен понести расплату, и эта расплата – стерильность. Теперь же он знал, что дело просто во времени, и сейчас, наконец, он вступил в период возмужания.

Вставая, чтобы пройти к бару с Лоран, он глянул на свое отражение в пыльном зеркале за стойкой. Он выглядел не старше двадцати пяти лет. Но за последние пятьдесят лет кое-что изменилось. У него никогда не было бороды, не было и хриплого баритона.

Было очень трудно скрывать свое бессмертие. Смена имен, местожительства… Перемены, перемены, перемены. Пока он не узнал, что ему надо изменяться только снаружи. Люди не запоминают лиц. Глаза, уши, нос, рот. Что еще есть на лице? Все лица, практически, похожи. Если только за ним не скрывается личность.

Личность – это как раз то, что выделяется. Она появляется на дисплее, чтобы другие ее видели. И Гай Тит Менений нашел, что две тысячи лет дали ему достаточно опыта для психологически достоверной имитации любой личности, за которую он себя выдавал. Все, что было для этого нужно сменить одежду и имя. Его лицо неуловимо изменялось в соответствии с той личностью, которую он изображал; никто еще не смог узнать его в другом обличье.

Лоран присела на высокий стул у стойки бара.

– Пива, – обратилась она к бармену. – В чем дело, Лес? Что будешь?

Он рассматривал ее волевые черты лица, ее глубоко посаженные, насмешливые глаза.

– Лоран, – мягко произнес Гай, – ты выйдешь за меня замуж?

– Выйти замуж за тебя? За тебя? – она моргнула и улыбнулась. – Выйти замуж? Кто бы подумал? Буржуазный конформист, похожий на всех остальных.

Затем она покачала головой.

– Нет, Лес. Даже если ты шутишь, ты мог бы придумать что-то получше.

Что за глупость?

– Это не шутка, – произнес Лесли, в то время как Гай Тит

преодолевал удивление и приходил в себя от шока из-за третьей неудачи.

– Я понимаю тебя, – сказал Лесли. – Забудь об этом. Передай всем привет.

Он поднялся, не допив пива, и пошел к выходу.

Выйдя на улицу Лесли направился к метро. Затем Гай Тит, сбросивший маску, снова поймал такси и назвал свой домашний адрес. Он не видел никаких причин для своих провалов этим вечером. Гай был заинтригован. Как могло случиться, что *три* абсолютно разных субъекта потерпели столь сокрушительную неудачу?

Он руководил этими тремя девушками с тех пор, как встретил, но сегодня вечером все его серьезные попытки устроить свою семейную жизнь с одной из них завершились полным фиаско. Почему?

– Отвратительный мир, – бросил он таксисту, на мгновение одевая маску Фила Карлсоне, циничного газетчика. – Необыкновенно мерзкий.

Голос его чуть дребезжал.

– Что-то случилось, приятель?

– Сражался со всеми тремя моими девушками. Отвратительно.

– Согласен, – отозвался таксист. Машина свернула на Парк-авеню. – Но взгляни на это с другой стороны, дружище. Кому они нужны?

На мгновение маска спала, и это был уже не Фил Карлсон, а Гай Тит, который сказал:

– Чертовски верно! Кому они нужны?

Он дал таксисту банкноту и покинул машину.

Кому они нужны? Это был хороший вопрос. В мире было полно девушек.

Зачем ему соединять себя с Шарон, или Джинджер, или Лоран? У них были свои хорошие качества – у Шарон светский лоск, у Джинджер – бодрость и энергия, у Лоран – концентрированный интеллектуализм.

Все три были хорошенькими, высокими, привлекательными, короче, вполне приемлемыми. Но тем не менее у каждой не хватало того, что имелось у другой. Никто из них не заслуживал, чтобы за ними убиваться. И если уж на то пошло, то можно было бы подыскать им и вовсе крутые эпитеты.

Никто из них не подходит ему полностью. Но если каким-то образом соединить этих трех длинноногих красоток, эти три личности в одно тело, здесь появится девушка…

Он задохнулся.

Он развернулся на месте и помахал такси, из которого только что вышел.

– Эй, шеф! – крикнул Тит. – Сюда! Обратно в «Сан-Мартин».

Здесь ее не было. Когда Лесли ворвался, он увидел только Корвина, сидевшего в одиночестве и криво ухмыляющегося.

– Где они? Где Лоран?

Коротышка пожал плечами.

– Они ушли минуту назад. Нет, около десяти, не так ли? Они ушли в разные стороны, а меня оставили здесь.

– Благодарю, – бросил Лесли.

«Первая черта», – подумал Тит. Он подбежал к телефону-автомату и набрал справочную, потребовав номер бара в Ист-Энде. После непродолжительных поисков оператор нашел его.

Он набрал номер. Усталое лицо бармена появилось на экране.

– Хэлло, Сэм, – сказал бармен. – Ее не было видно с тех пор, как вы оба вышли отсюда. – Глаза Джерри сузились. – Я никогда прежде не видел тебя так одетым, Сэм.

Гай вдруг припал к полу, пытаясь уйти с экрана.

– Я сегодня гуляю, Джерри, – ответил он и прервал связь.

Джинджер не могли найти, оставалась только Шарон. Он не мог звонить в Каванаг – они не дадут никакой информации ему о своих хозяевах. Поймав другое такси, он понесся через город в Каванаг.

Когда Шулер вошел, Шарон там не было. Ее здесь не было с полудня, сообщил ему официант, после того, как он дал ему банкноту. Шулер выпил пива и вышел.

Гай Тит вернулся в свою квартиру. Он был как натянутая струна, и ему казалось, что он звенит от напряжения. Такого возбуждения он не знал уже века. Когда он зашел в бар третий раз, она сидела у стойки, потягивая коктейль. Шулер сел рядом с ней. Она взглянула на него с удивлением.

– Билл! Приятно видеть тебя снова.

– И тебя тоже, – сказал Гай Тит. – Приятно видеть тебя снова…

Джинджер. Или ты Лоран?

Она побледнела и поднесла пальцы к губам. Затем, прикрыв рот, она сказала:

– Что ты имеешь в виду, Билл? Ты слишком много выпил сегодня?

– Возможно, – ответил Тит. – Я зашел в «Сан-Мартин» перед тем, как прийти сюда, там тебя не было, Лоран. Должен признать твой грудной голос всего лишь трюк. Я выпил с Корвином, а затем направился в Ист-Энд, Джинджер. Тебя там тоже не было.

Поэтому, – констатировал он, – оставалось только одно место, где можно было найти тебя, Шарон.

Она долго смотрела на него, а затем спросила:

– Кто ты?

– Лесли Мак-Грегор, – ответил Тит. – А также Сэм Штельман. И Б. М. Шулер. Плюс два или три других человека. Меня зовут Гай Тит Менений, к вашим услугам.

– Я все еще не понимаю…

– Да, это так, – сказал Тит. – Ты умна… но недостаточно. Знаешь, твоя маленькая игра со мной длилась почти месяц. А это непросто – дурачить столько времени мужчину моего возраста.

– Когда ты понял? – тихо спросила девушка.

– Сегодня вечером, когда я увидел, всех вас троих в течение часа.

– Ты…

– Да, я такой же, как ты, – признался он. – Но обязан отдать тебе должное. Я догадался обо всем только по пути домой. Ты использовала мою технику камуфляжа против меня же, и я сумел это определить. Твое настоящее имя?

– Мэри Брэдфорд, – ответила она. – По происхождению я англичанка. Из семейства Плантагенетов. Ты видишь, я действительно пуританка в душе.

Она робко усмехнулась.

– О? Потомок с «Мэйфлауэр»? – поддразнивающе переспросил Тит.

– Нет, – ответила Мэри. – Не потомок. Пассажир. И скажу тебе честно… Я была ужасно счастлива выбраться из Англии и появиться в Плимутской колонии.

Он играл ее пустым стаканом.

– Тебе не нравится Англия? Вероятно, я допустил промах. Ведь я был младшим клерком в суде короля Якова Первого в начале семнадцатого века.

Они хихикнули вместе.

Тит устремил свой взор на нее, его пульс забился сильнее. Она смотрела ему в глаза, и ее глаза лучились смехом.

– Я и не подозревала, что есть еще кто-то, похожий на меня, после некоторого молчания заговорила она. – Это было так странно, я никак не взрослела. Я боялась, что меня сожгут, как ведьму. Я должна была изменяться, все время передвигаться с места на место. Это не было приятной жизнью. Только немного позже… Я радуюсь этим новым временам… И я рада, что ты разгадал меня.

Она протянула руку и коснулась его ладони.

– Я думаю, что никогда не смогла бы стать достаточно

сообразительной, чтобы связать тебя, Лесли и Сэма, так как ты связал Шарон, Джинджер и Лоран. Для меня ты играл слишком хорошо.

– За две тысячи лет, – ответил Тит, не обращая внимания, услышит ли его официант или нет, – я не встречал ни одного, похожего на меня. Поверь мне, Мэри, я искал. Я высматривал пристально, и у меня была масса времени для поиска. Даже для того, чтобы найти тебя, скрывающуюся за лицами трех девушек, которых я знал!

Он стиснул ее руку. Последовавшее заявление было вполне логичным завершением их разговора.

– Теперь, когда мы нашли друг друга, – мягко произнес он, – мы можем иметь ребенка. Третьего бессмертного?

Ее охватило ликование.

– Чудесно! – воскликнула она. – Когда мы поженимся?

– Как насчет завтра… – начал он и замолк. Догадка осенила его.

– Мэри?

– Что… Тит?

– Сколько тебе лет, ты говорила? Когда ты родилась? – спросил он.

Она задумалась лишь на мгновение.

– В одна тысяча пятьсот девяносто седьмом году. Мне почти четыреста лет.

Он кивнул, немея от растущего разочарования. Только четыреста лет!

Это значило… это значило, что ей теперь только три года!

– Когда мы поженимся? – повторила она.

– Не торопись, – глухо произнес Тит, его рука бессильно опустилась. – У нас есть еще тысяча сто лет в запасе.